

Дегтяренко К. А. Интертекст в рассказе Ю. Буйды «Чёрт и аптекарь» / К. А. Дегтяренко // Научный диалог. — 2018. — № 4. — С. 77—86. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-77-86.

Degtyarenko, K. A. (2018). Intertext in Yu. Buyda's Story "The Damn and The Chemist". *Nauchnyy dialog*, 4: 77-86. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-77-86. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42:82-3+821.161.1Буйда.08

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-77-86

Интертекст в рассказе Ю. Буйды «Чёрт и аптекарь»

© Дегтяренко Ксения Андреевна (2018), orcid.org/0000-0003-0058-650X, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Военный учебно-научный центр Военно-Морского Флота «Военно-морская академия им. Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова», филиал в г. Калининграде (Калининград, Россия), [kseniya.degtyarenko@gmail.com](mailto:kсениа.degtyarenko@gmail.com).

Анализируется рассказ Ю. Буйды «Чёрт и аптекарь». Устанавливаются множественные связи произведения с прецедентными текстами. Комментируются интертекстуальные параллели, отмеченные в тексте посредством языковых маркеров. Выявлено, что прием интертекстуальности в текстах Ю. Буйды затрагивает разные уровни: внешний (эксплицитный) и глубинный (имплицитный). Вследствие этого и сам прием характеризуется признаками эксплицитности и имплицитности. В художественном мире писателя исследуемый прием обладает скрытой проективной силой — он выходит на уровень всего текста, организуя сложную систему и участвуя в порождении сюжета. Показано, что анализ примеров использования приема интертекстуальности требует знаний языкового и экстралингвистического характера. Доказывается, что в рассказах Ю. Буйды интертекстуальные связи служат средством создания комического. Автор утверждает, что сфера комического в творчестве писателя близка к области низовой народной телесной комикки. Такая близость объясняется стремлением Ю. Буйды приблизить художественное изображение к архаическому прошлому, когда смех, будучи связанным с жизнью и смертью, а через них с топографическим низом земли и производительным низом человека, считался обладающим возрождающей способностью.

Ключевые слова: Юрий Буйда; «Прусская невеста»; интертекст; комическое; языковая игра.

1. Введение. Постановка проблемы

Юрий Буйда является признанным мастером рассказа. Его лучшие рассказы собраны в книге «Прусская невеста» (1998), за которую автор был удо-

стоен звания лауреата премии Аполлона Григорьева и номинирован на Бу-керовскую премию. Книга получила большую известность во всем мире.

Рассказы сборника «Прусская невеста» объединены местом действия — городок в бывшей Восточной Пруссии — и героями, каждый из которых, побывав главным в своем «титულном» рассказе, остается второстепенным в других. Это обусловило принципиальную открытость сборника. Новые, тематически примыкающие к сборнику рассказы начали появляться в журналах уже после выхода книги в свет.

Творчество Ю. Буйды охватывает одновременно два крайних полюса бытия — комического и трагического, которые в каждом рассказе проявляются в разной степени. Трагикомический характер произведений писателя обусловлен обращением к вопросу жизни и смерти. В одном из интервью Ю. Буйда признается, что начал писать, поскольку его остро волновала проблема смерти: «И почему-то мне захотелось об этом написать. И я стал писать о смерти» [Буйда, 2004]. Для Ю. Буйды литература — это способ борьбы со смертью, ее преодоления, а значит, утверждения жизни.

В художественном мире Ю. Буйды авторская игра на смысловых переходах между комическим и трагическим, жизнью и смертью воссоздает архаическую картину мира, где эти полярные для рационалистического мышления сущности составляли единое, нерасчлененное целое — они были тождественны, поскольку воспринимались как необходимые элементы вечного круговорота жизни: «‘умереть’ значит на языке архаических метафор ‘ожить’, а ‘ожить’ — ‘умереть’» [Фрейденберг, 1997, с. 64]. В творчестве Ю. Буйды комическое, будучи связанным с жизнью и смертью, а через них с топографическим низом земли и производительным низом человека, обладает, как и в архаике, возрождающей способностью [Бахтин, 1990]. Это определяет специфику комического у Ю. Буйды: сфера комического в творчестве писателя близка к области низовой народной телесной комике. Понятийная закреплённость области комического является выражением философских и художественных взглядов писателя.

Архаический мировоззренческий пласт в творчестве писателя обнаруживает себя также посредством языковых приемов комического, в своей основе тоже связанных с особенностями мифологического мышления [Дмитровская и др., 2013 и др.]. Авторская интенция использования приемов комического заключается в осознанном стремлении к мифопоэтическим истокам. В текстах писателя языковые приемы комического неразрывно связаны с содержательным уровнем произведений.

В настоящем исследовании на материале рассказа «Чёрт и аптекарь» из сборника «Прусская невеста» мы обратимся к анализу приема интертек-

стуальности, одного из конститутивных приемов комического, служащих средством реконструкции авторской картины мира. Изучению приема интертекстуальности на материале творчества Ю. Буйды посвящены работы М. А. Дмитриховской [2003; 2004], Е. В. Копыриной [2009], Н. Э. Мурзич [2014]. В работе «Игровой приём интертекстуальности в книге рассказов Юрия Буйды “Прусская невеста”» мы обращались к рассмотрению игровых возможностей прецедентных имен, сюжетов, мотивов и цитат [Дегтяренко, 2018, с. 41—51]. Однако многое в изучении данного вопроса всё еще остается за рамками исследования.

В рассказе «Чёрт и аптекарь» интертекстуальные параллели проявляются ярко и плотно на уровне сюжета, мотивов и системы персонажей. Ю. Буйда обращается к рассказу А. Грина «Огненная вода», трагедии И. В. Гёте «Фауст», мифологическому сюжету об Актеоне, а также к Библии. Степень проявленности интертекстуальных параллелей между прецедентным текстом и принимающим может быть разной: от явных отсылок до скрытых, игровым образом завуалированных, требующих специальных изысканий [Дмитриховская, 2004, с. 147]. Комический потенциал приема раскрывается при соположении исходного текста, или претекста, с текстом-реципиентом. Контраст между ними является основой создания комического. У Ю. Буйды прием интертекстуальности строится на многослойной игре смыслов, мотивированных в том числе внутритекстовыми и межтекстовыми связями.

2. Интертекстуальные отсылки к библейским сюжетам

В рассказе «Чёрт и аптекарь» одной из ключевых сцен является описание похоронной процессии — хоронят памятник Сталину-Генералиссимусу, что связано с известием о смерти самого Сталина. Потрясение от этой новости сравнивается с концом света: *Перепуганная старуха <...> бросилась на базар, потом по магазинам, сея смуту в наших сердцах и умах невразумительными предсказаниями конца света со ссылкой на власть, то есть на Кальсоньча, будто бы получившего достоверное известие о грядущем армагеддоне с приложением точного маршрута следования в Иосафатскую долину, где и состоится заседание Страшного Суда* [Буйда, 1998, с. 66]. Тема конца света, Армагеддона и Страшного Суда неразрывно связана с мотивом огненной реки. С. Аверинцев, описывая сцену Страшного Суда, отмечает, что «фоном Страшного Суда служит космическая катастрофа, знаменующая конец мира: солнце и луна меркнут, звезды спадают с неба, само небо свертывается, как свиток (Мф. 24:29 и Откр. 6:12-14), от престола Судьи льется огненная река (Дан. 7:10)» [Аверинцев, 1980, т. 1, с. 402—404].

В тексте Ю. Буйды библейский мотив конца света комически обыгрывается за счет приращения новых смыслов у номинации *огненная вода*, восстанавливаемых при обращении к сцене похоронной процессии. В рассказе сообщается, что шествующих в похоронной процессии героев чёрт беспрестанно поит водкой. В русском языке коренное население Севера для обозначения водки использует метафору *огненная вода*. Снижение библейского мотива Страшного Суда до уровня водки порождает комический эффект. Комизм усиливается за счет развертывания, или реализации, метафоры *огненная вода*. В рассказе Ю. Буйды чёрт «велел послать пожарную машину за водкой», которая поливала героев «время от времени водкой из брандспойта» [Буйда, 1998, с. 66]. Водка в буквальном смысле огненная, поскольку находится в пожарной машине, то есть машине, выезжающей на пожары и используемой для тушения огня. В результате поливания водкой, или огненной водой, оживает памятник Генералиссимусу. Следовательно, вода буквально огненная, горячая. Холодный памятник разогревается и превращается в теплокровное человеческое существо. Через номинацию *Страшный Суд*, которая актуализирует ряд представлений, в том числе об огненной реке, косвенным образом выявляется интертекстуальная параллель рассказа Ю. Буйды с произведением А. Грина «Огненная вода».

3. Интертекстуальные отсылки к рассказу А. Грина «Огненная вода»

Пассаж, который позволил выявить интертекстуальную преемственность рассказа Ю. Буйды «Чёрт и аптекарь» по отношению к рассказу А. Грина «Огненная вода» [Грин, 1980, т. 5, с. 443—448], находится в середине произведения. Ключевую роль здесь играет номинация *Страшный Суд*. Однако пересечения с рассказом А. Грина у Ю. Буйды присутствуют уже в самом начале. Рассказ «Чёрт и аптекарь» начинается с описания появления в городке чёрта с красавицей *в пестро размалеванном автомобильчике*, где чёрт *одной рукой держался за руль, а другой обнимал божественно красивую девушку, у которой вместо губ была плотно сжатая кольцевая мышца* [Буйда, 1998, с. 59].

Рассказ А. Грина начинается аналогично — появляется автомобиль: *К главному подъезду замка Пелегрин, описав решительный полукруг, прибыл автомобиль жемчужного цвета — ландо. В левом его углу с подчеркнутой скромностью человека, добровольно ставящего себя в зависимое положение, сидела молодая женщина с серьезным, мелких черт, лицом и тем оттенком улыбки, какой свойствен сдержанной душе при интересном эксперименте. Она была не одна. Господин с лысиной, выходящей*

из-под цилиндра к затылку половиной тарелки, с завитыми вверх, лирой, усами и тройным подбородком, уронив, как слезу, в руку монобль, отступил-ся, и, подхваченный швейцаром, вновь вскинул стекло в глазную орбиту, чопорно оглядываясь [Грин, 1980, т. 5, с. 443].

Итак, Ю. Буйда заимствует начало рассказа, творчески его трансформируя. Можно отметить следующие параллели. Герои Ю. Буйды и А. Грина появляются на автомобилях парами. У Ю. Буйды — это чёрт и божественно красивая девушка, у А.Грина — женщина и господин. Персонажи обладают рядом схожих портретных черт. Мужские образы соотносятся по следующим признакам:

1) лысина и рога. У буйдовского чёрта лысина обрамлена рогами, ср.: *лысина, растекшаяся меж витых рогов* [Буйда, 1998, с. 60]. В портретной характеристике героя А. Грина рога игровым образом завуалированы. Этот смысл высвечивается через причастие *завитый*, а также через сравнение усов с лирой. *Лира* — это ‘струнный щипковый музыкальный инструмент в виде овальной незамкнутой сверху рамы с плавно отогнутыми округлыми концами’ [Ожегов, 1985, с. 279]. По форме лира напоминает очертания рогов. Итак, описание усов господина в скрытой форме указывает на рога. Кроме того, лысина господина совпадает по форме с половиной тарелки, что на ассоциативно-образном уровне тоже дает рога.

2) монобль и стеклянный глаз. Важной деталью во внешности героя А. Грина является монобль, выпадающий из глазной орбиты. В рассказе Ю. Буйды фигурирует персонаж, в прозвище которого входит лексема *глаз*, — это Глаз Петрович, обладатель стеклянного глаза. В конце рассказа Буйды *красотка со стеклянным глазом*, который она «слямзила» у Глаз Петровича, *уносится на автомобильчике* [Буйда, 1998, с. 67]. Получается, что глаз героя Глаза Петровича и есть выпадающий монобль героя А. Грина. Монобль превращается у Ю. Буйды в глаз в соответствии с внутренней формой слова *монобль*, которое восходит к греческому *tonos* ‘один’ и *oculus* ‘глаз’ [Крысин, 2000, с. 451]. По сути, у Ю. Буйды происходит буквализация исходного значения слова *монобль* — ‘один глаз’, что в игровой интерпретации порождает смысл ‘одноглазый’. Интересно, что в портретной характеристике Глаза Петровича содержится номинация *одноглазый кавалер* [Буйда, 1998, с. 66]. В игровой форме Глаз Петрович отождествляется с моноблем. Интертекстуальная преемственность признака, указывающего на глаза, находит выражение и в портретной характеристике буйдовского чёрта — это был *плюгавый косоглазый человек* [Буйда, 1998, с. 60].

Не менее ярко интертекстуальные параллели проявляются в портретах женщин, сопровождающих своих кавалеров. У женских образов акценти-

руется лицо. У буйдовской красавицы *вместо губ была плотно сжатая кольцевая мышца* [Буйда, 1998, с. 59]. У А. Грина молодая женщина обладала *тем оттенком улыбки, какой свойствен сдержанной душе при интересном эксперименте* [Грин, 1980, т. 5, с. 443]. Номинация *интересный эксперимент* актуализирует выражение *интересное положение*, которое использовалось в качестве эвфемизма для обозначения беременности. У Ю. Буйды на этот смысл в скрытой форме указывает слово *навроде*, где вычленяется псевдокорень *род*, отсылающий к родам. Другое важное гриновское выражение, которое высвечивает смысл ‘роды, беременность’, — это *сдержанная душа*. Оно, возможно, по нашему мнению, указывает на определенное выражение лица, свойственное роженицам в процессе родов.

4. Интертекстуальная преемственность к произведению И. В. Гёте «Фауст»

В рассказе Ю. Буйды через фигуру черта обнаруживаются также интертекстуальные отсылки к произведению И. В. Гёте «Фауст», где главными действующими персонажами являются чёрт (Мефистофель) и доктор Фауст. У Ю. Буйды человек, связанный с медициной, это аптекарь. Связь произведений Ю. Буйды и И. В. Гёте заявлена и через сюжетные схождения. У обоих авторов одним из ключевых мотивов является мотив продажи-покупки души, обыгрывание которого у Ю. Буйды нацелено на создание комического эффекта. Это своего рода игровая пародия. В рассказе чёрт отправляется на базар и покупает кота по кличке Дух. Лексема *Дух*, используемая в качестве онима, является этимологически родственной слову *душа* (а в некоторых случаях эти лексемы взаимозаменяемы), что позволяет интерпретировать сюжет покупки-продажи кота по имени Дух в тексте Ю. Буйды интертекстуально преемственным по отношению к произведению И. В. Гёте. Комизм возникает в силу создания бытового, сниженного мотива — продаётся не душа, а базарный кот по кличке Дух.

Сюжетные схождения заявлены и через мотив метаморфоз. У Ю. Буйды чёрт превращает аптекаря в кентавра, которого беспрестанно преследуют собаки — огромные чёрные кобели: *Но больше всего доставалось бедолаге (кентавру. — К. Д.) от собак. Спасался он от них обычно в зарослях ивняка и бузины между баней и базаром* [Буйда, 1998, с. 63]. Мотив появления собак акцентируется у Ю. Буйды при помощи фигуры повтора: о появлении «огромного черного кобеля» автор упоминает четыре раза. У И. В. Гете в «Фаусте» Мефистофель сам превращается в черного кобеля — пуделя, в облике которого и является Фаусту.

5. Интертекстуальные отсылки к мифологическому сюжету

Одновременно оба мотива — превращение и преследование собак — высвечивают мифологический сюжет об Актеоне, любопытном юноше, который подглядывал за купанием богини Артемиды, за что он был превращён в оленя, которого растерзали его же собаки (в конце рассказа Ю. Буйды аптекарь тоже погибает). В рассказе превращение аптекаря в кентавра выступает как наказание за аналогичный проступок: аптекарь *отважно приник к замочной скважине, когда красотка безмятежно плескалась в ванне, вылизывая свою атласную шерсть длинным алым языком* [Буйда, 1998, с. 63]. В рассказе отмечено, что красотка была *божественно красива* [Буйда, 1998, с. 59]. Буквальное прочтение наречия *божественно*, выполняющего здесь усилительную функцию, выявляет сюжетное сходение с мифом об Актеоне: в обоих случаях имеет место подглядывание за богиней.

6. Выводы

Таким образом, анализ текста рассказа позволил выделить индивидуально-авторские особенности функционирования приема интертекстуальности в рассказе Ю. Буйды «Чёрт и аптекарь». У Ю. Буйды интертекстуальность неразрывно связана с языковой игрой. Поэтика комического у этого писателя основывается на принципе контраста. Он пользуется игровыми возможностями смысловых переходов, которые задаются бинарными оппозициями «возвышенное — приземленное», «реальное — ирреальное», «обыденное — фантастическое».

В одном произведении интертекстуальные связи отсылают одновременно к нескольким источникам, мастерски скрытым автором. Целое складывается из соположения сразу нескольких прецедентных источников, смысловая корреляция которых эксплицирует завуалированные смыслы. Смысл приема может раскрываться как в контексте одного рассказа, так и в контексте всего текстового пространства книги. В художественном мире писателя прием обладает скрытой проективной силой — он выходит на уровень всего текста, образуя сложную систему и участвуя в порождении сюжета.

Выявление интертекста требует знаний языкового и экстралингвистического характера, мифологии, Библии, мировой литературы. Выявление глубинных смыслов способствует более глубокому пониманию текста и обнаружению скрытых механизмов комического. Скрытость и завуалированность приема часто усиливает степень комизма. Анализ рассказа Ю. Буйды позволил выявить ряд языковых маркеров, связывающих текст

писателя с претекстом. Это библейские реалии, портретные детали героев, сюжетные схождения.

Источники

1. *Буйда Ю.* Прусская невеста / Ю. Буйда. — Москва : Новое литературное обозрение, 1998. — 320 с.
2. *Грин А. С.* Огненная вода / А. С. Грин. — В книге : Грин А. С. Собрание сочинений в 6 томах / А. С. Грин. — Москва : Правда, 1980. — Т. 5. — 495 с.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Страшный суд / С. С. Аверинцев // Мифы народов мира : в 2 томах. — Москва : Советская энциклопедия, 1980. — Т. 1. — С. 402—404.
2. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1990. — 543 с.
3. *Буйда Ю.* Я сошёл с ума от Ревизора / Ю. Буйда // Вечерняя Москва. — 2004. — 30 августа.
4. *Дегтяренко К. А.* Игровой прием интертекстуальности в книге рассказов Юрия Буйды «Прусская невеста» / К. А. Дегтяренко // Научный диалог. — 2018. — № 3. — С. 41—51.
5. *Дмитровская М. А.* Интертекстуальные источники «кастрационного» сюжета в произведениях Ю. Буйды / М. А. Дмитриовская // Балтийский филологический курьер. — 2003. — № 3. — С. 153—162.
6. *Дмитровская М. А.* Об отношении искусства и действительности, или Почему майор Лавренов убил Элизу Прево : рассказ Юрия Буйды «Чужая кость» / М. А. Дмитриовская // Балтийский филологический курьер. — 2004. — № 4. — С. 145—178.
7. *Дмитровская М. А.* Гипербола, комическое и гротеск в книге рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста» / М. А. Дмитриовская, К. А. Дегтяренко // Слово.ру : Балтийский акцент. — 2013. — № 4. — С. 30—42.
8. *Копырина Е. В.* Интертекстуальность в творчестве Ю. Буйды : взаимодействие претекстов и их языковые маркеры в рассказе «Красная столовая» / Е. В. Копырина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2009. — № 8. — С. 30—35.
9. *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. — Москва : Русский язык, 2000. — 856 с.
10. *Мурзич Н. Э.* Рассказ Л. Андреева «Буяниха» в структуре книги Ю. Буйды «Прусская невеста» / Н. Э. Мурзич // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2014. — № 11. — Ч. 1. — С. 145—147.
11. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — Москва : Русский язык, 1985. — 928 с.
12. *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. — Москва : Лабиринт, 1997. — 448 с.

Intertext in Yu. Buyda's Story "The Damn and The Chemist"

© Degtyarenko Kseniya Andreyevna (2018), orcid.org/0000-0003-0058-650X, PhD in Philology, associate professor, Department of Foreign Languages, Military educational and scientific centre of the Navy "N. G. Kuznetsov Naval Academy", Kaliningrad branch (Kaliningrad, Russia), kseniya.degtyarenko@gmail.com.

The story by Yu. Buyda "The Damn and The Chemist" is analysed. Multiple links of this work with the precedent texts are revealed. Intertextual parallels marked in the text by language markers are commented. It is revealed that intertextuality in the texts by Yu. Buyda affects different levels: external (explicit) and underlying (implicit). Because of this, this technique is characterized by explicitness and implicitness. In the writer's artistic world the studied technique has a hidden projective force — it appears at the level of the whole text, organizing a complex system and participating in the generation of the plot. It is shown that the analysis of examples of intertextuality requires knowledge of linguistic and extralinguistic nature. It is proved that in Yu. Buyda's stories intertextual links serve as a means of creation of comic effect. The author argues that the sphere of the comic in the writer's works is close to the field of lowest people's bodily comic. Such proximity is explained by the desire of Yu. Buyda to make an artistic image closer to archaic past, when laughter, being associated with life and death, and through them with the topographic bottom of the Earth and human productive bottom, was considered as having the regenerating ability.

Key words: Yury Buyda; "Prussian bride"; intertext; comic; language game.

Material resources

- Buyda, Yu. 1998. *Prusskaya nevesta*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
- Grin, A. S. 1980. Ognennaya voda. In: Grin, A. S. *Sobranie sochineniy v 6 tomakh*. Moskva: Pravda. 5. (In Russ.).

References

- Averintsev, S. S. 1980. Strashnyy sud. *Mify narodov mira*. Moskva: Sovetskaya ehnciklopediya. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. 1990. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura Srednevekovya*. Moskva: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
- Buyda, Yu. 2004. Ya soshel s uma ot Revizora. In: *Vechernyaya Moskva*. 30 avgusta. (In Russ.).
- Degtyarenko, K. A. 2018. Game Technique of Intertextuality in Yu. Buyda's Book of Stories "Prussian Bride". *Nauchnyy dialog*, 3: 41—51. (In Russ.).
- Dmitrovskaya, M. A. 2003. Intertekstualnyye istochniki «kastratsionnogo» syuzheta v proizvedeniyakh Yu. Buydy. *Baltiyskiy filologicheskiy kuryer*, 3: 153—162 (In Russ.).
- Dmitrovskaya, M. A. 2004. Ob otnoshenii iskusstva i deystvitelnosti, ili Pochemu mayor Lavrenov ubil Elizyu Prevo: rasskaz Yuriya Buydy «Chuzhaya kost'». *Baltiyskiy filologicheskiy kuryer*, 4: 145—178 (In Russ.).

- Dmitrovskaya, M. A., Degtyarenko, K. A. 2013. Giperbola, komicheskoye i grotesk v knige rasskazov Yu. Buydy «Prusskaya nevesta». *Slovo.ru: Baltiyskiy aktsent*, 4: 30—42. (In Russ.).
- Freydenberg, O. M. 1997. *Poetika syuzheta i zhanra*. Moskva: Labirint. (In Russ.).
- Kopyrina, E. V. 2009. Intertekstualnost' v tvorchestve Yu. Buydy: vzaimodeystviye pretekstov i ikh yazykovyye markery v rasskaze «Krasnaya stolovaya». *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*, 8: 30—35. (In Russ.).
- Krysin, L. P. 2000. *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
- Murzich, N. E. 2014. Rasskaz L. Andreeva «Buyanikha» v strukture knigi Yu. Buydy «Prusskaya nevesta». *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 11 (1): 145—147. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I. 1985. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).